

МИГРАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ В XXI ВЕКЕ

Е.А. Трофимов

Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления
24 января 2020 г.

Дата принятия к печати
6 марта 2020 г.

Дата онлайн-размещения
25 марта 2020 г.

Ключевые слова

Миграция; миграционное сальдо; миграционный прирост; факторы миграции; беженцы; вынужденные переселенцы; геополитические изменения; постсоветское пространство; ксенофобия; трудовая дискриминация

Аннотация

В статье проанализирована современная специфика миграционных процессов на постсоветском пространстве. Рассмотрены факторы, объясняющие динамику миграционного прироста населения РФ за счет бывших союзных республик, а также факторы, приведшие к обострению межнациональных отношений. Отмечено такое постсоветское явление, как ксенофобия, затронувшая большинство бывших республик СССР. Сделан вывод о том, что международная миграция становится своеобразным индикатором, характеризующим привлекательность страны. Уделено внимание вопросам, касающимся специфики занятости мигрантов и их дискриминации на рынке труда. Названы основные миграционные доноры России, к которым относятся Украина, Казахстан, Таджикистан, Молдова, Узбекистан, Азербайджан, Армения. Обосновано, что развал союзного государства резко интенсифицировал миграционные процессы, происходящие между государствами ближнего зарубежья, для которых характерны стремительные, в определенной степени циклические изменения.

MIGRATION PROCESSES IN THE POST-SOVIET TERRITORY IN THE 21ST CENTURY

Yevgeny A. Trofimov

Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation

Article info

Received
January 24, 2020

Accepted
March 6, 2020 г.

Available online
March 25, 2020

Keywords

Migration; migration balance; migration gain; factors of migration; refugees; forced migrants; geopolitical changes; post-Soviet territory; xenophobia; discrimination at work

Abstract

The author analyzes contemporary characteristics of migration processes in the post-Soviet territory. Factors which explain the dynamics of migration gain of Russia's population due to former Soviet Republics and the ones which lead to increased ethnic tensions are considered. Such post-Soviet phenomenon as xenophobia is highlighted. It can be observed in the majority of former republics of the USSR. The author draws a conclusion that international migration is becoming a specific indicator which characterizes attractiveness of a country. The article discusses some issues which concern peculiarities of migrants' employment and their discrimination in the labor market. It is mentioned that most migrants come to Russia from Ukraine, Kazakhstan, Tajikistan, Moldova, Uzbekistan, Azerbaijan and Armenia. The author substantiates that the dissolution of the Soviet Union sharply intensified migration processes between the former republics. These processes are characterized by, to some extent, fast cyclic changes.

Современный этап развития Российской Федерации превратил ее в одну из крупнейших стран, принимающих мигрантов. В своем послании Федеральному Собранию

Российской Федерации 15 января 2020 г. В.В. Путин отметил: «Судьба России, ее историческая перспектива зависит от того, сколько нас будет...» [1]. Приоритет в этом

вопросе, как подчеркнул президент, отводится демографии, социальной политике, борьбе с бедностью. Но не следует забывать и о миграционных процессах на постсоветском пространстве, которые могут способствовать решению масштабных социально-экономических и технологических задач, стоящих перед нашей страной.

Геополитические изменения, связанные с развалом Советского Союза в конце XX в., и последовавшее за этим образование 15 новых независимых государств стали причиной резкой интенсификации трудовых и миграционных процессов. В некоторых бывших союзных республиках, особенно в Прибалтике, Закавказье, на Украине и в Молдове, в конце 80-х — начале 90-х гг. XX в. к власти пришли национальные этнократические элиты, представители которых отличались крайне националистическими взглядами. Они стремились создать унитарные (мононациональные) государства, считая, что только скорейший выход из состава многонационального Советского Союза и полный разрыв с советским историческим прошлым позволит решить все накопившиеся проблемы, в первую очередь обеспечит резкий рост производства и уровня жизни.

В результате молниеносного развала СССР, превращения административных границ в государственные, введения национальных валют и юридических нормативных документов, часто носящих откровенно дискриминационный характер по отношению к гражданам нетитульной национальности, как, например, в Латвии, Литве, Эстонии и ряде других бывших союзных республик, миллионы людей, ранее ощущавших себя гражданами одной страны, вдруг стали иностранцами по отношению друг к другу. Так, данные последней Всесоюзной переписи населения 1989 г. показали, что русские составляли около 70 % некоренного населения в Латвии, Эстонии и на Украине, 60 % — в Беларуси и Казахстане, около 50 % — в Киргизии и Литве, более 30 % — в Азербайджане, Грузии, Молдове, Узбекистане¹. Свыше 25 млн русских в конце 1991 г. оказались за пределами Российской Федерации. Причем более 10 млн русскоязычных граждан, проживавших в республиках Балтии, Азербайджане, Грузии, в Средней Азии, попали в крайне сложную ситуацию. Из них около 50 % в дальнейшем, по нашим расчетам, переселилось в РФ уже как этнические эми-

гранты, поскольку для многих лозунг «Чемодан — вокзал — Россия» был подкреплен не только моральными издержками, но и прямыми физическими угрозами.

Уменьшение численности русскоязычных граждан в странах ближнего зарубежья привело также к снижению коэффициента миграционного прироста населения России. Если в 1995–2000 гг. он составлял 3,13 в расчете на тысячу населения, в 2005–2010 гг. — 3,14, то в 2010–2018 гг. — уже 1,45.

Снижение миграционного прироста населения РФ за счет бывших союзных республик объясняется также следующими факторами:

- ужесточение норм въезда в РФ для бывших советских граждан, в том числе из некоторых республик — с применением заграничных паспортов;
- стабилизация социально-экономической и политической обстановки в большинстве бывших союзных республик;
- постепенное исчерпание миграционного потенциала русскоязычных граждан, желающих переехать в РФ;
- повышенные требования к оформлению трудовых отношений;
- экономический кризис в РФ, усугубленный в том числе западной санкционной политикой;
- бытовые трудности;
- негативный образ мигрантов, формируемый в некоторых отечественных СМИ, и др.

Развал союзного государства привел к «великому переселению народов». Это было обусловлено тем, что вне границ своих этнических территорий проживало 54 млн чел., в том числе русских — 25,3 млн, украинцев — 6,6 млн, узбеков — 2,6 млн, белорусов — 2,1 млн, армян — 1,5 млн, казахов, азербайджанцев, таджиков — по 1 млн. Кроме того, 6 млн чел. не имело своих национальных образований на территории бывшего Союза. Среди них немцы (2 млн), поляки (1,1 млн), корейцы, греки, курды и др. [2, с. 41].

Многие страны, в первую очередь страны Балтии, Средней Азии, Азербайджан, Армения, современная Украина и др., столкнулись с таким явлением общественной жизни, как ксенофобия, проявляющимся в «выталкивании» граждан нетитульной национальности за административные или даже государственные границы. Ксенофобия не является постсоветским открытием. В разные периоды в той или иной степени она затронула практически все государства, начиная с Римской империи. Однако следует сказать, что ксенофобия в определенной степени приводила к упадку культуры в обществе,

¹ Национальный состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. М. : Финансы и статистика, 1991. С. 5–19.

зараженном бациллой межнациональной ненависти, к его деградации, негативно сказываясь на всех сторонах общественной жизни, сдерживая развитие в том числе и коренной (государствообразующей) нации.

В целом «миграция становится индикатором социально-экономического развития, характеризуя привлекательность стран и регионов для активной части населения» [3, с. 1015]. Однако рыночные отношения в трудовой сфере на постсоветском пространстве носят ярко выраженный деформированный характер, преодолеть который так и не удалось спустя почти три десятилетия после распада СССР. Это вызвано целым рядом причин.

В условиях стремительных и жестких геополитических преобразований, связанных с суверенизацией бывших союзных республик, происходило массовое нарушение прав человека, особенно лиц некоренной национальности, как, например, в странах Балтии. Этому способствовало также принятие часто откровенно дискриминационных законодательных актов, касающихся гражданства, языка, прав собственности, цензов оседлости для представителей нетитульной нации, что усиливало напряженность и нередко провоцировало вооруженные конфликты.

Особенной остротой характеризуется вопрос о языке. Только Беларусь придала статус государственного русскому языку. В Казахстане и Киргизии он имеет статус официального. В Молдове, Таджикистане, Туркменистане он является языком межнационального общения. В странах Балтии, Армении и Грузии русский язык имеет фактически статус иностранного языка. На Украине русский язык превратился в объект непримиримых политических споров, резко обостряющих межнациональные отношения.

Языковые моральные издержки для русскоязычных граждан связаны также с переходом некоторых бывших союзных республик, например Азербайджана, Молдовы, Туркменистана, Узбекистана, с кириллицы на латиницу. Казахстан планирует завершить этот процесс к 2025 г., что усиливает миграционные настроения среди этнических русских, а также провоцирует своеобразный принцип домино, когда ранее выехавшие граждане формируют соответствующие миграционные мотивы у оставшихся.

Следует учитывать и другие факторы, приведшие к обострению межнациональных отношений:

– превращение административных границ в государственные, введение жестких

пограничных режимов, особенно со странами Балтии, Украиной, Грузией;

– создание в ряде бывших советских республик привилегий для представителей титульных наций, формирование этнократических элит и гипертрофированного национального самосознания;

– ущемление религиозных прав граждан, грубое вмешательство государства в религиозные отношения;

– стремление в условиях многонациональности бывших союзных республик к созданию унитарных (мононациональных) государств (страны Балтии, Казахстан, Узбекистан, Туркменистан и др.);

– изменение политико-административного статуса районов компактного проживания национальных меньшинств и бывших автономных республик.

Геополитические изменения на постсоветском пространстве в 1990-е гг. повсеместно сопровождались катастрофическим спадом производства. Следует подчеркнуть, что в конечном счете с экономической точки зрения ни одна бывшая союзная республика не выиграла от развала СССР. Разрыв хозяйственных связей, осуществление ускоренной приватизации, нередко носившей откровенно криминальный характер, ликвидация союзных министерств, непродуманная конверсия военно-промышленного комплекса, массовое закрытие предприятий привели к росту безработицы и обострению ряда других проблем. В результате многие бывшие союзные республики по основным макроэкономическим показателям смогли выйти на уровень 1991 г. только в первом десятилетии XXI в. А некоторые, например Молдова и Украина, так и не сумели достигнуть данного рубежа.

В постсоветский период, особенно в 1990-е гг., несмотря на острый демографический кризис в стране, Россия оказалась не готова к массовому наплыву мигрантов из образовавшихся государств ближнего зарубежья. Помощь, предусмотренная государственной программой «Оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членов их семей» (в этом нуждались прежде всего трудодефицитные районы Сибири, которая и так с середины 1990-х гг. стала терять население из-за его оттока преимущественно в европейскую часть России [4, с. 56]), совсем не компенсировала затраты, связанные с переездом и обустройством на новом месте. В последние годы ситуация заметно улучшилась. Так, потенциальный мигрант уже может рассчитывать на

финансовую поддержку в виде подъемных. В регионах приоритетного заселения, расположенных в азиатской части страны, в 2019 г. они уже составляли 240 тыс. р. для заявителя и по 120 тыс. р. на каждого члена семьи².

Не удастся в полной мере переломить общественное мнение о мигрантах, поскольку дополнительные работники всегда увеличивают предложение труда на рынке и влияют на величину его емкости на локальном, региональном и национальном уровнях [5]. В средствах массовой информации нередко можно встретить высказывания о том, что мигранты увеличивают безработицу среди коренного населения, повышают общий уровень преступности, усиливают нагрузку на социальную сферу, осложняют эпидемиологическую обстановку.

Безусловно, доля истины в этих опасениях есть. Однако не следует забывать, что экономический, социальный и в конечном счете политический и общечеловеческий эффект от наших бывших соотечественников — переселенцев из ближнего зарубежья намного превышает все затраты, связанные с их обустройством. Так, в столичных мегаполисах значительная часть работников жилищно-коммунального хозяйства и торговли, строителей, водителей городского транспорта — выходцы из бывших союзных республик.

Необходимо учитывать, что мигранты часто занимают «непрестижные», с точки зрения коренного населения, рабочие места, подобрать на которые работников из числа местных жителей весьма затруднительно. Но их квалификация в основном соответствует показателям эффективности оценки персонала [6, с. 446–447]. Многие мигранты из стран ближнего зарубежья подвергаются также трудовой дискриминации, т.е. дифференцированному отношению со стороны работодателя к наемным работникам, связанному «с любыми их качествами, не влияющими на трудовые навыки. При этом дискриминация может осуществляться как на основании качеств, доставшихся работникам от рождения и не зависящих от них (пол, раса, возраст, цвет волос и пр.), так и на основании приобретенных признаков (образование, место жительства, семейное положение)» [7, с. 145].

Готовность мигрантов трудиться за мизерную, по оценкам россиян, заработную плату, т.е. своеобразный трудовой демпинг, приво-

дит к росту напряженности на рынке рабочей силы. Мало того, происходит в определенной степени маргинализация общества — рост численности граждан, прибывших из бывших союзных республик, которые, утратив свой официальный статус, долгое время не имеют возможности получить новый, в том числе российское гражданство.

Между бывшими союзными республиками заключены различные межправительственные соглашения, регулирующие вопросы миграции их населения. Однако это не способствует однородности миграционных потоков с постсоветского пространства. Это могут быть не только граждане, переезжающие на постоянное место жительства в другую страну, но и трудовые мигранты, лица, получившие временное убежище, а также беженцы и вынужденные переселенцы, которых стало особенно много после произошедшей на Украине в 2014 г. «революции достоинства».

Первыми беженцами и вынужденными переселенцами стали в 1989 г. 20 тыс. турак-месхетинцев. Тогда же после событий сначала в Сумгаите, а потом и в Баку из Азербайджана в Россию перебралось около 90 тыс. беженцев. В 1991 г. в результате военного конфликта между Южной Осетией и Грузией в Северную Осетию, т.е. на территорию Российской Федерации, бежало 100 тыс. осетин. В «лихие девяностые», когда начался глубочайший экономический кризис и резко обострились межнациональные конфликты, этот процесс усилился, достигнув своего максимума в 1996 г. — 974,4 тыс. чел. (табл.) [8, с. 146].

В XXI в. количество таких мигрантовкратно сократилось. Но появилась новая категория прибывающих граждан — лица, получившие временное убежище, которых в относительно благополучном 2019 году насчитывалось 76,8 тыс. чел. Для сравнения: в 2015 г. их было 237,8 тыс. чел., подавляющее большинство из которых (234,4 тыс. чел.) прибыли с Украины³.

Многие граждане, получившие в Российской Федерации временное убежище, так и не вернулись на родину. В результате в 2014 г. по сравнению с 2005 г. положительное миграционное сальдо России с Украиной увеличилось с 18,2 тыс. чел. до 94,4 тыс. чел., т.е. в 5,2 раза. А в 2015 г. данный показатель уже составил 146,2 тыс. чел., т.е. вырос уже в 8 раз. Мощная антироссийская кам-

² Оказание содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и членов их семей : гос. прогр. URL: <https://programma-pereseleniya.ru>.

³ Россия в цифрах, 2019 : крат. стат. сб. М. : Росстат, 2019. С. 82 ; Россия в цифрах. 2017 : крат. стат. сб. М. : Росстат, 2017. С. 87.

Миграционное сальдо Российской Федерации с бывшими союзными республиками, тыс. чел.*

Миграционное сальдо	2000	2005	2010	2014	2015	2018
Всего	266,8	133,4	156,7	275,6	241,7	131,5
Со странами СНГ	246,1	127,7	150,7	270,2	237,3	129,1
Азербайджан	11,7	3,3	13,4	12,4	10,6	8,7
Армения	14,5	7,0	19,2	24,0	20,6	14,3
Беларусь	-3,0	0,8	2,0	6,7	4,9	7,2
Казахстан	107,0	39,4	20,5	40,8	34,8	26,5
Киргизия	13,6	15,1	20,3	15,2	9,9	9,0
Молдова	9,5	5,8	11,2	17,6	17,4	7,7
Таджикистан	9,9	4,3	17,5	19,4	11,3	31,0
Туркменистан	6,0	4,0	2,1	2,6	2,3	3,0
Узбекистан	37,7	29,8	23,3	37,1	-20,7	6,9
Украина**	39,2	18,2	21,2	94,4	146,2	14,8
Со странами Балтии и Грузией	20,7	5,7	6,0	5,4	4,4	2,4
Грузия	18,4	4,8	4,7	4,3	3,3	2,0
Латвия	1,4	0,5	0,7	0,6	0,6	0,3
Литва	0,5	0,2	0,2	0,2	0,2	0,1
Эстония	0,40	0,20	0,40	0,30	0,30	0,03

* Составлена по: Россия в цифрах, 2019 : крат. стат. сб. М. : Росстат, 2019. С. 79–81.

** Несмотря на то что еще 19 мая 2018 г. президент Украины П. Порошенко объявил об отзыве своих представителей из уставных органов СНГ, официальных документов о прекращении участия страны в этой организации в исполком СНГ из Киева не поступало.

пания, развернутая на Украине, откровенно русофобская политика, проводимая государством на всех уровнях, прямой запрет на любую положительную информацию о Российской Федерации в украинских СМИ, отказ от прямого воздушного сообщения, сведение до минимума железнодорожного сообщения между двумя странами и другие факторы значительно сократили миграционное сальдо, которое в 2018 г. составило 14,8 тыс. чел.⁴

Не стоит забывать и о психологическом факторе. Покинувшие Украину граждане опасаются того, что оставшиеся там родственники попадут под прессинг националистов, что их имена окажутся на сайте «Миротворец», а также возможных действий репрессивного характера в отношении них. Только вмешательство международной общественности, мониторинговой миссии ООН, протесты журналистов привели к закрытию данного сайта 10 декабря 2019 г. Но отдельные категории пользователей до сих пор имеют возможность получать информацию из закрытых зеркальных ресурсов.

Динамизм и высокая интенсивность постсоветской миграции наглядно отражают сложные, иногда крайне противоречивые

социально-экономические и политические процессы, затронувшие целый ряд бывших союзных республик. Если в 1980-е — начале 1990-х гг. Россия имела отрицательное миграционное сальдо с Украиной, Беларусью, а в отдельные годы — с Прибалтийскими республиками, Грузией и Арменией, то начиная с 1994 г. РФ имеет положительный миграционный оборот со всеми бывшими союзными республиками. С одной стороны, это позволило нашей стране существенно нивелировать демографический кризис, проявляющийся в периодически повторяющихся демографических волнах, превышении смертности населения над рождаемостью, все еще низком коэффициенте рождаемости и относительно невысокой продолжительности жизни по сравнению с высокоразвитыми государствами, а с другой стороны, компенсировало эмиграционный отток в страны ЕС, прежде всего в Германию, а также в США, Израиль и др.

В целом для миграционных процессов, происходящих на постсоветском пространстве, характерны стремительные, в определенной степени циклические изменения. Так, в 2000 г. миграционное сальдо РФ с бывшими союзными республиками составляло 266,8 тыс. чел., а через пять лет оно умень-

⁴ Рассчитано по данным таблицы.

шилось ровно наполовину — 133,4 тыс. чел. В 2010 г. по сравнению с 2005 г. данный показатель увеличился на 17,5 % и остановился на отметке в 156,7 тыс. чел., а в 2014 г. достиг своего максимума в XXI в. — 275,6 тыс. чел., т.е. рост к 2005 г. составил уже 106,6 %. В 2018 г. миграционное сальдо Российской Федерации со странами ближнего зарубежья (131,53 тыс. чел.), по существу, опять упало до уровня 2005 г.⁵

Если исключить Украину с ее геополитическими турбулентными изменениями, произошедшими после революции 2014 г., то в период с 2000 по 2018 г. наибольший миграционный прирост в обмене населением наблюдался между Российской Федерацией и Республикой Казахстан. Максимально он проявился в 1990-е гг. и увеличился с 17,6 тыс. чел. в 1991 г. до 304,5 тыс. чел. в рекордном 1994-м. Это составляло 33,3 % общего объема миграционного прироста страны и превысило на 21,2 % все положительное миграционное сальдо, возникшее у Российской Федерации в обмене населением с республиками Средней Азии.

В XXI в. Казахстан по-прежнему остается одним из крупнейших миграционных доноров Российской Федерации. Однако постепенное истощение этнически русского миграционного потенциала в Казахстане в начале XXI в. привело к сокращению его миграционного сальдо с Россией почти в 4 раза — с 107,0 тыс. чел. в 2000 г. до 26,5 тыс. чел. в 2018 г. (см. табл.). Наименьшее влияние на миграционный прирост России оказывают Туркменистан, по существу проводящий политику миграционной самоизоляции

ности, Грузия и особенно Прибалтийские республики, с которыми в отдельные годы он измерялся не тысячами, а сотнями и даже десятками человек.

С 2015 г. начал действовать закон, разрешающий въезд в Российскую Федерацию и выезд из нее исключительно по заграничным паспортам граждан бывших союзных республик, не входящих в состав Евразийского экономического союза. В рамках ЕврАзЭС (Российская Федерация, Беларусь, Казахстан, Армения, Киргизия) передвижение граждан между государствами продолжает осуществляться по внутренним паспортам. Особенно сильно данный запрет ударил по гражданам Узбекистана. Не случайно именно в 2015 г. миграционное сальдо между ним и Россией составило 20,7 тыс. чел. Не успевших покинуть РФ граждан Узбекистана продолжали выпускать по внутренним паспортам, а впускали только по заграничным. При этом многие потенциальные узбекские мигранты просто физически не успели их получить. Но уже с 2016 г. миграционная ситуация между двумя странами вошла в традиционное русло.

В целом на протяжении длительного времени основными миграционными донорами Российской Федерации являются Украина, Казахстан, Таджикистан, Молдова, Узбекистан, Азербайджан, Армения. На наш взгляд, такая ситуация с международным территориальным движением населения между государствами ближнего зарубежья сохранится в обозримом будущем. Это обусловлено не только более высоким уровнем жизни в Российской Федерации, но и той социально-экономической и особенно демографической политикой, которую проводит наша страна в последние годы.

⁵ Рассчитано по данным таблицы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Путин В.В. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 15 февраля 2020 г. / В.В. Путин. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>.
2. Топилин А.В. Влияние миграции на этнонациональную структуру / А.В. Топилин // Социологические исследования. — 1992. — № 7. — С. 31–43.
3. Суходолов А.П. Миграционный отток населения как угроза кадровой безопасности региона (на примере Иркутской области) / А.П. Суходолов, Т.Г. Озерникова, Н.В. Кузнецова // Экономика труда. — 2018. — Т. 5, № 4. — С. 1015–1036.
4. Самаруха В.И. Миграционное движение населения регионов Сибири / В.И. Самаруха, Т.Г. Краснова, Т.Н. Плотникова. — DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(1).56-62 // Известия Байкальского государственного университета. — 2018. — Т. 28, № 1. — С. 56–62.
5. Былков В.Г. Предложение на рынке труда: методология, природа формирования / В.Г. Былков. — DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(4).1 // Baikal Research Journal. — 2017. — Т. 8, № 4. — URL: <http://brj-bguer.ru/reader/article.aspx?id=21889>.
6. Носырева И.Г. Анализ эффективности системы оценки персонала / И.Г. Носырева, Н.В. Балашова. — DOI: 10.18334/et6.1.40100 // Экономика труда. — 2019. — Т. 6, № 1. — С. 439–452.
7. Тагаров Б.Ж. Информационные причины дискриминации на рынке труда / Б.Ж. Тагаров // Экономика труда. — 2019. — Т. 6, № 1. — С. 145–156.
8. Трофимов Е.А. Россия в системе международных рыночных отношений в трудовой сфере / Е.А. Трофимов. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2007. — 180 с.

REFERENCES

1. Putin V.V. *Poslanie Prezidenta Rossiiskoi Federatsii Federal' nomu Sobraniyu ot 15 fevralya 2019 g.* [Address of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly on February 15, 2019]. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>. (In Russian).
2. Topilin A.V. The Impact of Migration on Ethnonational Structure. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 1992, no. 7, pp. 31–43. (In Russian).
3. Sukhodolov A.P., Ozernikova T.G., Kuznetsova N.V. Migration Outflow of Population as a Threat to Personnel Security of the Region (on the Example of the Irkutsk Region). *Ekonomika truda = Russian Journal of Labor Economics*, 2018, vol. 5, no. 4, pp. 1015–1036. (In Russian).
4. Samarukha V.I., Krasnova T.G., Plotnikova T.N. Migration Movement of the Population of Siberian Regions. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2018, vol. 28, no. 1, pp. 56–62. DOI: 10.17150/2500-2759.2018.28(1).56-62. (In Russian).
5. Bylkov V.G. Supply on the Labor Market: Methodology, Nature of Formation. *Baikal Research Journal*, 2017, vol. 8, no. 4. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(4).1. Available at: <http://brj-bgupep.ru/reader/article.aspx?id=21889>. (In Russian).
6. Nosyreva I.G., Balashova N.V. Analysis of the Effectiveness of the Personnel Assessment System. *Ekonomika truda = Russian Journal of Labor Economics*, 2019, vol. 6, no. 1, pp. 439–452. DOI: 10.18334/et6.1.40100. (In Russian).
7. Tagarov B.Zh. Information Causes of Labour Market Discrimination. *Ekonomika truda = Russian Journal of Labor Economics*, 2019, vol. 6, no. 1, pp. 145–156. (In Russian).
8. Trofimov E.A. *Rossiya v sisteme mezhdunarodnykh rynochnykh otnoshenii v trudovoi sfere* [Russia in the System of International Market Relations in the Labor Sphere]. Irkutsk, Baikal State University of Economics and Law Publ., 2007. 180 p.

Информация об авторе

Трофимов Евгений Александрович — доктор экономических наук, профессор, кафедра инженерно-экономической подготовки, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация, e-mail: TrofimovEA2014@yandex.ru.

Author

Yevgeny A. Trofimov — D.Sc. in Economics, Professor, Department of Engineering and Economic Training, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation, e-mail: TrofimovEA2014@yandex.ru.

Для цитирования

Трофимов Е.А. Миграционные процессы на постсоветском пространстве в XXI веке / Е.А. Трофимов. — DOI: 10.17150/2500-2759.2020.30(1).23-29 // Известия Байкальского государственного университета. — 2020. — Т. 30, № 1. — С. 23–29.

For Citation

Trofimov E.A. Migration Processes in the Post-Soviet Territory in the 21st Century. *Izvestiya Baikal'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Baikal State University*, 2020, vol. 30, no. 1, pp. 23–29. DOI: 10.17150/2500-2759.2020.30(1).23-29. (In Russian).